

# Практикантка

**Автор:**

Надежда Нелидова

Практикантка

Надежда Нелидова

Был выработан следующий план. По прибытии в Кисловодск я сообщаю в письме родным, что произошло невероятное: мы ждём малыша. Ну, там смена климата повлияла, нарзанные ванны помогли... Через положенные девять месяцев усыновляю ребенка (девочку). Пишу домой, чтобы ждали с внучкой. И, благополучно «разрешившись», являюсь со свёртком, перевязанным розовой ленточкой.

Практикантка

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2021

ISBN 978-5-4496-6242-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРАКТИКАНТКА

– Боже, какая прелесть!

Старенький дребезжащий автобус вёз второкурсницу мединститута Аню и пассажиров по белой пыльной дороге. Мимо окошек проносились седые от пыли берёзы и ёлки.

Мелькали остановки. Радовали глаз лёгкие, весёленькие павильончики из яркого голубого, жёлтого, зелёного пластика.

Автобус останавливался, высаживая пассажиров. И Аня с грустью наблюдала в углах павильонов коричневые сохлые и свежие, вонючие пирамидки. Над ними с пчелиным гулом роились, пировали тучи больших зелёных мух. Ничего не изменилось с тех пор, как Аня покинула эти места. По-прежнему население воспринимало остановки как место, где можно и даже необходимо справить нужду.

И нарядный новенький пластик уже уродливо расползлся, зиял рваными, оплавленными дырами.

– Молодёжь балует, – кивнула Анина соседка, заметив её взгляд. – Окурки забрасывают на крышу. Руки у них маются от безделья.

«А души и головы – от пустоты», – мысленно дополнила Аня.

Там и сям тянулись свалки, в основном из строительного хлама.

Чем дальше, тем больше нагло выпирал к кюветам разросшийся молодой, разлапистый борщевик. Насколько хватало глаз: там, где раньше волнами ходили нежные всходы овса и ржи – всюду простирались, жирно, ядовито зеленели борщевичные заросли.

«Скоро мы будем гулять в борщевичных лесах. Хотя, пожалуй, после прогулки угодишь с волдырями второй степени в ожоговый центр, – грустно подумала Аня. Она любила эту землю, и ей было грустно оттого, что люди с нею делали.

Но на одном повороте неожиданно выплыла, ослепила глаза дородная, кружевная, нарядная церковь. Здесь шофёр подсадил группку малышей,

во главе с пожилой женщиной. Деревенский детский садик. Мальчики с приглаженными волосами, девочки в беленьких платочках.

Женщина-воспитательница протянула водителю полную пригоршню мелочи. Пожилой шофёр махнул крупной коричневой ладонью:

– Чего там! Ехайте.

У Ани и так настроение было приподнятое, каникулярное. А при этой домашней сценке на сердце разлилось ещё больше уюта и тихой, светлой радости. На следующей развилке малыши посыпались из автобуса, как горох. Аня насчитала их числом шестнадцать. Выпрыгивая, каждый мужичок (и бабёночка) с ноготок пищали:

– СпащиБО! – именно через «щ» и с ударением на последнем слоге. 16 горошинок – 16 очаровательных «спащиБО». Ехавшая впереди городская дама бурно умилялась:

– Боже, какая прелесть! Как маленькие французики! Откуда такой забавный акцент?

Аня думала: «Откуда, откуда. Шепелявость – это они переняли от бабушек, милые повторяшки и попугайчики. А беззубость – бич всей деревни. Раньше не было врачей, сейчас – денег на врачей».

Аня была из этих мест и обиделась за «забавный акцент».

\*\*\*

По закону подлости, в первый же день практики она жестоко простыла и месяц провалялась с бронхитом. Теперь нужно было отрабатывать, на выбор: в городской лаборатории мыть пузырьки или санитаркой – в сельской больнице. Ну конечно, лето в деревне – что может быть лучше!

Она и не подозревала, что остались такие больницы: окружённые стеной угрюмых елей, тёмные, деревянные. Построенные в середине прошлого века, ещё с печным отоплением.

Было чистенько, на половицах сияла свежая масляная краска, на окошке полоскалась под ветерком подсинённая марлечка.

Главврача звали Валентина Ивановна Дебелая. Дебелая – не комплекция, а фамилия. Впрочем, фамилия вполне соответствовала комплекции. Скрипя жалобно прогибающимися под её весом хлипкими половицами, она провела Аню по кабинетам и палатам. Представила везде, как очень важную персону:

– Практикантка, будущий врач – а пока наша новая санитарочка! Прошу любить и жаловать.

Все доброжелательно кивали, улыбались и дружно выражали сожаление, что Аня поработает только один месяц. Особенно мужская палата сожалела.

Мужская здесь была одна: травматологическая.

– Сельские мужики болеть не любят. Если только совсем прижмёт или ЧП, – объяснила Валентина Ивановна уже в коридоре. Незаметно показала в открытую дверь:

– Вон тот герой от большого ума в незнакомый омут сиганул, а там – коряга. Поддатый, конечно, был. Тот на мотоцикле разбился, тоже в алкогольном угаре. Этот из леспромхоза, с бригадой дерево валил. Оказалось свилеватое: крутанулось вокруг оси, не успел отскочить. Перелом основания черепа, неделю как вышел из комы.

Аня, проходя мимо курилки, слышала вслед восхищённый присвист:

– Офигенная девушка!

– И прикид такой... Ничего.

Она ещё не успела облачиться в медицинскую голубую спецодежду. На ней была модная блузка в облипочку, тугие голубые джинсы.

\*\*\*

Дневная смена – от рассвета до заката, 12 часов. Ночная тоже двенадцатичасовая – день через два: отсыпной, выходной. Чем хороша работа санитарки: смена пролетает как одна минута. Не успеешь заступить – уже вечер. Или утро.

– Аня, заработалась?! Домой пора.

Горшки, судна, утки. Смена белья. Умывание-подмывание, кормление лежачих. Еду нужно нести на коромысле из пищеблока, избушки-развалюшки под могучей елью. Два десятилитровых эмалированных ведра: в одном колышется до краёв налитый огнедышащий рассольник. В другом ведре – гора гарнира, вверху котлеты. Компот отдельно.

И снова: судна, горшки, утки. Мытьё посуды – трижды в день. Влажная уборка – утром и вечером. Утки, судна, горшки. И всегда на подхвате у докторов, сестричек и больных: «Анечка, принеси». «Анечка, подай».

В первый день старшая медсестра схватила Анину руку холодными, сухими до мороза по коже, пальцами. Высоко подняла, на всеобщее обозрение:

– С ума сошли?! В стерильном отделении! Немедленно остричь ногти!

Зато и втройне приятно было через неделю услышать за спиной её негромкое:

– Молодец девочка, грязной работы не чурается. Я думала, эта фифа от нас через два дня сбежит.

Среди Аниных обязанностей была даже такая, уютно-домашняя: выпекание картофеля для сердечников. Природный источник калия прописывал доктор. Аня мыла, резала на кружочки, обязательно с кожурой. Переворачивала ножом на раскалённой плите золотистые дольки. Можете представить такую заботу в городской больнице?!

Когда на улице было дождливо и холодно – топили большую печь в приёмном покое. Колка дров – тоже обязанность санитарки. Ну, тут не было отбоя от скачущей как кузнечики «травмы». Лишь бы целые руки: соскучились по мужицкой работе. Бахвалились, приседали, смачно крякали, ухали.

Раскалывали чурки «как сахарок»: с первого раза. Рисовались друг перед дружкой силой и меткостью ударов. Сложили под навесом жёлтую душистую поленницу на загляденье.

Медсестра Люда (процедурная и хирургическая в одном лице) подколола-позавидовала:

– Небось, мне так прытко не помогают. То ли дело, молоденькой да хорошенькой.

Для Ани Люда стала маяком, путеводной звездой. Ангелом-хранителем и опытным вперёдсмотрящим в её первых санитарских шагах.

Вот стремительно прошёл молодой, воображающий о себе хирург. Он всегда ходил стремительно, так что полы халата крыльями разлетались, и овевало ветерком лицо. Сухо, неприязненно бросил на ходу Ане:

– Почему у вас послеоперационная больная до сих пор не помочилась?

– Я не...

– Чтобы через полчаса больная помочилась.

Больная после операции – очень корпулентная женщина. Её кровать округло возвышалась посреди прочих коек как большой холм. У Ани до сих пор ныла спина после её перекладывания с каталки на кровать.

Она вокруг неё только что в шаманской пляске не кружилась, в бубен не била. Беспомощно умоляла:

– Ну, миленькая, поднатужьтесь! Пожалуйста, пописайте! Мне за вас попадёт, а вам придётся катетер вводить.

Та только колыхала телесами, пыхтела, жалобно стонала и закатывала глаза. Люда посмотрела-посмотрела на их мучения. Сжалилась:

– Эх, практика! И чему вас в институтах учат?

Принесла из буфета старый облупленный чайник, соблазнительно зажурчала между мощных чресел тонкой струйкой в судно. Ласково, как маленькой, зазывно пела-приговаривала: «Пис-пис-пис!»

Через минуту зажурчал ручеек: сначала слабенький, потом мощный. Больная, опорожняясь, сладостно охала и стонала. Аня, боясь расплескать, несла в вытянутых руках тяжёлое тёплое судно в уборную – как драгоценность.

\*\*\*

Когда за окном накрапывает дождик и гнутся под ветром ели – в больнице зажигают свет, становится умиротворённо и уютно. В мужской палате режутся в карты, читают книжки и травят байки. Непрестанно деловито снуют в курилку и обратно.

Если заходит разговор – то на масштабные, глобальные темы – на меньшее не распыляемся. Сегодня обсуждают запредельные цены на лекарства. Во всемирном заговоре фармацевтов против всего человечества мужская палата давно не сомневается.

Химики-алхимики, очколупы в чистеньких халатиках. Выводят в своих лабораториях невидимую гадостную дрянь: бактерий, микробов, грибов разных. Закаляют их, делают устойчивыми к лекарствам, к внешней среде.

Фасуют, значит, в спичечные коробочки – и с курьерами, под видом туристов, развозят, сеют по всему белому свету. Вот так встанут незаметно в людном месте, где-нибудь в метро в час пик – и вытрясут из коробочки: фу-у-ур!

Мужикам почему-то особенно нравится идея со спичечными коробками – как тары для перевозки микробов.

– Мужики, кому клизма с ромашкой назначена? – заглядывает в дверь Люда.

Главный разоблачитель мирового заговора суетливо соскакивает с койки. Подтягивая штанишки на ослабшей резинке, спешит в малую процедурную.

В мужской палате, под взглядами двенадцати пар глаз, Аня чувствует себя неуютно. У них одно на уме, как презрительно говорит Люда.

Как раз час вечерней уборки: Аня гремит ведром с водой, шмякает шваброй, шурует под койками и тумбочками. Велит поджимать ноги и без надобности не шастать, пока не высохнет. Не хватало ещё поскользнуться на мокром полу и сломать конечность в стенах больницы.

Входит Аня в палату:

– Добрый вечер, граждане! Чем занимаемся?

– Любовью, Анечка, любовью! – страстно выдыхает долговязый остроносый парень с соломенными волосами, похожий на Джека Соломинку. Руки у него пухло, толсто забинтованы, будто засунуты в белоснежную муфту. Неудачно разводил костёр, плеснул бензинчику...

– Как живёте, ребята? – спросит Аня в следующий раз (Люда научила: мол, ты с ними не цацкайся: будь проще, грубее).

– Регулярно, Анечка, регулярно! – снова этот остроносый заводила и паршивая овца в стаде Джек Соломинка. Мужики посмеиваются, а красная Аня спешит поскорее сделать уборку и убежать прочь.

\*\*\*

В женской палате смотрят сериалы по переносному телевизору, стрекочут о своём, девичьем. Вяжут салфетки (только из х/б ниток: шерстяные запрещены под угрозой выписки!), делятся узорами. Одна домовитая бабушка с загипсованной, бережно уложенной на стул ногой, перебирает ворох мужских носков. Попросила домашних принести в передаче: чего зря время терять. Вздевает очередной носок на лампочку, надвинув на нос очки, штопает. Равнодушна к насмешкам соседок:

– Бабуль, ты бы ещё дырявых мужицких труселей притащила, нам на всеобщее обозрение!

В женской палате можно расслабиться: когда и отдохнуть, присесть на коечке, слушая милую воркотню. Женщины то грустно вздыхают и примолкают, то заливаются в смехе колокольчиками.

– Эх, девки, что ни говорите, а женский век короток, как у подёнки. Мы ведь нынче больные грамотные пошли. Я сама у себя «обнаружила» на яичнике кисту: в справочнике вычитала!

Районный узист посмотрел: «Э, какая киста, – говорит, – там ей и поместиться уж негде. Возраст, матушка! Яичник весь ссохся, как червячок». И показывает скрюченный мизинчик. Развёл руками и на своём медицинском языке что-то добавил: диагноз, наверно. Я попросила сказать, что за диагноз – только посмеялся. У меня память хорошая, я на клочке написала, чтобы не забыть. Вы ведь на доктора учитесь? Не переведёте? – и протягивает Ане бумажку. Аня её осторожно взяла, развернула пальцами в мокрой перчатке. Прочитала, улыбнувшись:

– «Сэнэктус инсанабилис морбус эст. Диктум ацербум». («Старость – неизлечимая болезнь. Горькая правда»).

Но переводить вслух не стала. Отрицательно качнула головой, пожала плечами.

Другая поддакнет в тему: ей уж давно в постели ничего не надо, а муж у неё неуёмный, и ночью ему мало, и днём. Секс-машина. Палата оживает, тут же предлагает организовать семейный салон интим-услуг. Жену – на бухгалтерию и на кассу. «Давайте, девки, карандаш: в очередь записываемся. Чур, я первая. Только тариф чтоб божеский был». Снова хохот.

– А как назовём кооператив? Предлагаю: «Бешеные скачки»!

– «Заводные яйца»!

– «Нефритовый стержень»! – сыплются наперебой предложения. И кто-то из послеоперационных, держась за живот, стонет: «Ой, умру, девки, прекратите, сейчас швы разойдутся!».

\*\*\*

Безудержное веселье прерывает Люда. Она заглядывает, присматривая свободную койку для вновь поступившей «травмы». Несколько женщин тут же отправляются якобы на прогулку в коридор – на самом деле на разведку. И, хотя – Аня голову на отсечение даст – им никто ничего не рассказывает – возвращаются с почерпнутыми сведениями.

Новенькая – важная птица, на своей машине приехала из области к брату с золовкой. Покупаться, позагорать, подышать деревенским воздухом.

Пошли по грибы-ягоды. Женщина отступилась в старую заросшую лисью нору, упала, повредила колено. В машине «скорой» устроила дикий скандал: почему долго не приезжали?! Почему вместо врача молодой фельдшер?! Почему её не обезболивают? Почему машина старая, трясучая?!

Новенькая, поселившись в палате, всячески подчёркивала, что она из большого города, не шухры-мухры. Речь гладкая, красивая – говорила как по писаному. Лежала в японском блестящем, шёлковом халате с птицами. Губы ярко накрашены. Золотые пышные волосы накручены на бигуди. На тумбочке затеснились пузырьки, коробочки, тюбики, щёточки, пилочки.

Аня с ней немножко по этому поводу конфликтовала:

– Пожалуйста, уберите вещи с тумбочки. Можно оставить зеркало, цветы, если принесут... Я банку с водой принесу.

Золотоволосая обиделась:

– Вы соображаете, что говорите? Кто мне в этой дыре цветы принесёт?!  
Лежала бы в области – завалили бы цветами...

Всё-таки сгребла добро в большую прозрачную косметичку. А сегодня сидит, будто подбитая птица, будто осыпалось с неё пышное оперение. Сразу поблёкла, присмирела, поджала крылья. Олег Павлович объяснил серьёзность ситуации: полный разрыв связки надколенника, предстоит сложная операция. В анамнезе гипертония третьей степени и сахарный диабет...

\*\*\*

Когда Аня входит со шваброй наперевес, новенькая, по-бабьи пригорюнившись, продолжает рассказывать свою историю. Палата притихла, слушает:

– Мама в четыре утра позвонила... Мол, чувствует себя нехорошо... Я, значит, быстренько оделась, вызвала такси. Вбегаю: мама лежит лицом к стене, свернувшись калачиком, как маленький ребёнок. Спрашиваю, что случилось, где болит? Долго обиженно молчит, потом сквозь зубы: «Везде».

И что прикажете говорить диспетчеру скорой?! Дело в том, – горячо объясняет золотоволосая, – что у нас с мамой всегда были сложные отношения. А в последнее время особенно обострились. Она была одержима идеей переезда ко мне. Да не дай Бог! У мамы нелёгкий характер, у меня тоже не сахар.

И так каждое воскресенье вместе проводили. Но как проводили! Телевизор смотрим – ссора. Чай пьём – опять ссора. Гуляем на улице – общаемся на повышенных, раздражённых голосах: прохожие на нас оглядываются. Я этих воскресений с ужасом ждала.

Конечно, со временем я бы забрала её к себе, – оправдывается рассказчица. – Оттягивала этот момент, пока мама на ногах, себя сама обслуживала. Но три раза в неделю приезжала к ней – это непременно. Убиралась, готовила, ходила по магазинам. Звонила каждый день, и не по разу...»

Видно, что у женщины наболело на сердце. Устала держать в себе. Знакомым и родне не расскажешь. А тут собрались случайные люди, вроде как попутчики в поезде. Вылечатся, разойдутся и разъедутся по домам – и вряд ли уже встретятся.

– Не каждая дочь так почтительно с матерью, – льстит палата. – Ну, что там со скорой-то?

– Скорая приехала быстро. Врач спросил о самочувствии – мама пошевелилась и не ответила. Повторили вопрос – снова молчание. Попытались перевернуть на спину – сердито сбросила руку. Ещё больше вжалась в стену, заостенела.

– Бывают, бывают такие строптивые, поперешные, вредные старушонки, – встревает, поддакивает соседка. – Вот моя свекровь, царствие ей небесное...

– Тч-ш-ш! – шикают на неё. И золотоволосой – уважительно: – Продолжайте! Что там дальше-то было?!

– ...Фельдшерица посмотрела на меня. Я вздохнула, пожала плечами и этак, знаете, выразительно возвела глаза к потолку. Дескать, полюбуйтесь. А мне-то приходится терпеть эти выкрутасы каждый день. И тогда фельдшерица негромко, но отчётливо сказала. Она сказала: «Вот сука, а?» – в адрес мамы. Доктор отвёл глаза и деликатно промолчал. Сделал вид, что не услышал...

Аня моет полы, стараясь не шуметь. Вообще, здесь, в палате, часто ссыпают камни с души и вываливают побрякивающих костями скелетов из шкафов. Но чтобы такого скелета! Палата ахает, ошеломлённо переспрашивает:

– Вот так прямо сказала?! Сука?! Не может быть! Может, вы не расслышали?

Рассказчица поднимает не покрашенные, голые, слепые от боли глаза. И все понимают: всё правда. Так и было.

– В то утро, – продолжает она, – маму увезли в больницу. Где выяснилось, что у неё произошёл разрыв аневризмы брюшной аорты. Это невыносимая, нечеловеческая боль. Через три дня мама умерла.

Всё это время я не отходила от её постели, спала на стульях. Держала её руку в своей, шептала самые ласковые слова. Просила прощения за всё, за всё. Перед смертью мама сказала: «Какая ты у меня хорошая... Как беспокоишься обо мне, ухаживаешь. Спасибо, доченька...»

Она меня простила, но я-то себя – нет! – страстно вскрикивает женщина. Прижимает руки к груди и умоляюще оглядывается: – Понимаете, я предала её, когда сообщнически трясла головой. Когда возводила глаза к потолку, вздыхала и «понимающе» переглядывалась с фельдшерицей. Так сказать, была её союзницей против мамы. Дала моральное добро, и она произнесла чудовищные слова...

...А мама почему в тот момент молчала? – помолчав, рассуждает женщина. – От характера, от упрямства своего. От слабости, от боли, наконец. Не хотела признать непривычного состояния, недуга своего. Всё в ней негодовало: как она: до сих пор такая сильная, волевая – и вот лежит беспомощная. Услышала в моём

голосе нотки раздражения – и обиделась, замкнулась, зажалась, как малый ребёнок».

Аня отложила швабру, спрашивает разрешения присесть на койку. Слегка обнимает женщину, заглядывает в опущенное лицо, в полные муки глаза:

– Но вы тогда возмутились этим... Не хамством фельдшера даже... Должностным преступлением? Человеческим?

Собеседница отводит глаза. Нет. Она не сказала ни слова. Аня пытается анализировать вслух, подсказывает:

– Может, объяснить это вашим стрессовым состоянием? Люди часто в таких ситуациях растеряны, подавлены... Но ведь можно было наутро поднять шум, пойти к главврачу, написать заявление.

– Нет, – качает золотоволосая головой. И видно, что никакие у неё волосы не золотые, а тускло-жёлтые, с седыми прядями. Много седых прядей. Никуда она не ходила, ничего не писала. Сначала забегалась с мамой, потом с похоронами, а потом... Какой смысл, ничего уже не изменить: маму не вернуть.

«Значит, фельдшерица продолжает ездить на вызовы, – думает Аня. – И, если ей что-то не нравится, раскрывает рот и... По полной выливает на больного дерьмо. Под деликатное молчание врача».

– Но нельзя же так оставлять! В какой день вызывали эту бригаду, в какой час? Можно же восстановить хронологию...

Постаревшая женщина качает головой: поздно, поздно. С той поры прошло девять лет. Она все годы носит это в себе. В который раз прокручивает в голове, не может забыть ту минуту... Когда она общнически переглянулась с фельдшерицей. Когда предала маму. Мама лежала спиной и не видела, но слышала одобрителное молчание дочери. Её предательство.

– Но ведь сохранились в архивах журналы вызовов, можно поднять? – настаивает, не успокаивается Аня.

Сохранились, не сохранились... Какая разница: маму не вернуть...

Палата негромко обсуждает услышанное. Примеряет ситуацию на себя. Про женщину – деликатно молчат. Ей с этим жить всю жизнь. И с фельдшерницей всё ясно. Про таких в советское время говорили: «Ей не место среди строителей светлого коммунистического будущего». Но что-то ведь надо делать, нельзя терпеть это хамство в белых халатах (Аня в своём белом халате невольно поёживается).

«Какие люди перед врачами беззащитные, – думает Аня. – Перед любым другим хамством хотя бы одеты. Перед людьми в белых халатах уязвимы и «раздеты» болью, стыдом, страхом, слабостью. Не говоря о том, что раздеты в прямом смысле слова, до исподнего... За что же с ними так?!

– Зарплата маленькая – вот и копят на сердце зло... – будто услышав её мысли, простодушно предполагает бабушка, штопающая носки. На бабулю тут же гневно обрушиваются, будто она и есть источник всех бед.

Ане снова кажется, что в этот момент все взгляды скрещиваются на ней. В палате начинают припоминать и приходят к неутешительному выводу. Не только в медицине, во всей стране так: принято отыгрываться на самых безответных. Кондукторы в городских автобусах гнобят пассажиров, продавцы в магазинах – покупателей. Воспитатели в садиках – малых детей, папки и мамки – воспитателей. «Дедушки» в армии – солдат-новичков. Сиделки в домах престарелых – немощных стариков.

Что же это с нами со всеми делается?!

\*\*\*

В эту ночь Аня с Людой только прикорнули – тут же и соскочили.

Привезли парня, грязного как прах, катающегося по полу и воющего от боли. Кровь из него хлестала, будто из резаного поросёнка, залила весь приёмный покой. Парню в пьяной драке «розочкой» полоснули лицо. Щека висела на лоскуте, резиново расплзались разорванные губы.

Такой чудовищной, чёрной ругани, которую изрыгал «беззащитный пациент», Аня в жизни не слышала. Призванный на помощь сторож ухватил разбрасываемые в воздухе ноги. Девчата навалились с двух сторон на бьющегося парня. Тот вырывался, шамкал, пуская красные пузыри:

– Убью! Лекарь, падла, что ж ты на живую шьёшь, гад... Я ведь, лепила, тебя урою – дай оклемаюсь!

Хирург невозмутимо работал тонкими, как у пианиста, резиновыми пальцами. Кривая иголка с кетгутом ловко сновала туда-сюда. Холодно вскинул серые глаза поверх голубой маски-лепестка:

– Не возьмёт тебя наркоз, только добро переводить. Ты же насквозь проспиртован. Впредь башкой соображать будешь...

Утром буян едва шевелил вздутыми, в запёкшихся швах, губами. Пряча глаза, бубнил слова извинения и благодарности. У хирурга серые глаза усмехнулись поверх маски. Хлопнул парня по плечу: «Поправляйся», – и полетел дальше на развевающихся полах халата.

\*\*\*

В санитарской Люда, причёсываясь перед зеркальцем, строго посмотрела на синие тени под Аниными глазами:

– Ты хоть два часа поспала? Старайся эти золотые два часа при любом раскладе ухватить, урвать. Покемаришь – и опять человек. А нам, как говорится, день простоять да ночь продержаться.

И она же, как орлица, налетела на тихого ясноглазого, похожего на блаженного старичка. Аня измучилась с ним. Прибегала десять раз по его несмелому зову. Растерянно снова и снова поправляла совершенно сухой подгузник. Отводила глаза от бесстыдно выставленного поверх одеяла старческого сморщенного синеватого «хозяйства». А старичку всё было не так, всё робко хныкал, всё ему что-то кололо и жало.

Аня не понимала хихиканья и фырканья мужиков на соседских койках. Тут-то и налетела Люда. Мокрым, пахнущим хлоркой кухонным полотенцем хлестнула старичка. Тот заслонился ладошками.

– Опять, эксбиционист чёртот, за старое взялся?! – кричала во всё горло Люда. – Лопнуло моё терпение! Ведь в больницу нарочно ложишься: перед женщинами своим одрябшим добром трясти! Скажу твоей старухе, она те задаст перцу. И Олегу Павловичу докладную напишу – выставит в два счёта! Лежит в чистоте, на всём дармовом – так нет, нужно ещё похоть свою почесать! Эх, дедушка, ведь седой уже весь!

И, обернувшись, – набросилась на мужиков:

– А вы чего гогочете?! Старый похабник над девчонкой изгиляется, а вам бесплатное кино. Цирк устроили! Всех на выписку! Олегу Павловичу так и скажу: здоровы эти жеребцы, пахать можно!

На кричащую, разругавшуюся как булочку Люду, мужикам смотреть было приятно. Что они и делали с большим удовольствием.

\*\*\*

С высокомерным хирургом у Ани с самого начала выстроились непростые, натянутые отношения. Но особенно обострил их последний случай.

Девчонку-первородку из дальней деревни не успели довезти в район до роддома. Перепуганная, худенькая, она не переставала гудеть басом, как сирена. Люда и Аня, закутанные в стерильное, похожие на двух зелёных снеговичков, над ней хлопотали. Уговаривали:

– Ну, матушка, ласточка, дуйся, дуйся! А теперь передохни, всё идёт хорошо!

Просили правильно дышать. Аня, давая пример, сама – то пыхтела как паровоз, то дышала мелко как собачка, выпучивая глаза.

Стремительно вошёл Олег Павлович в клеёнчатом фартуке. За неимением ставки акушера-гинеколога, в экстренных случаях он выполнял и эту работу.

Заглянул между напряжённых тощеньких, красных голых ножек в длинных бахилах. Девчонка набрала воздуха и завопила пронзительнее.

– А ну, заткнулась! Рот – захлопнула! – и, так как девчонка прибавила громкости – он... слегка хлопнул её по щеке! Это роженицу-то!

Девчонка, видимо, так удивилась, что сразу отключила звуковое сопровождение. Начала старательно дышать и тужиться, когда велели. Роды были стремительные – через полтора часа Люда мыла, обмеряла, взвешивала и пеленала мяукавшего, кряхтевшего ребёнка. Родился мальчик. А тут и неотложка подросла, девчонку с малышом увезли в район.

Аня прибирала смотровую. И, пока прибирала, накапливала в себе гнев. Придумывала тираду, которую, войдя в ординаторскую, выскажет хирургу. Распоясаясь в своей вотчине, при всеобщем молчании и попустительстве. А она, Аня, молчать не собирается.

– Вообще-то, Олег Павлович, у нас больница, а не концлагерь! И в ней работают не фашисты, а врачи. И гитлеровские методы недопустимы! – и дальше, и дальше пошла: о милосердии, о лечении словом, о великом предназначении быть женщиной-матерью, о таинстве первого вдоха... Даже самой понравилось. Перестала трепетать, голос набирал ровность и лекторскую, профессорскую строгость.

Люда и ещё одна присутствующая врачиха чуть не поперхнулись чаем. Хирург кинул в рот шоколадную конфету, вкусно прихлебнул чёрный, крепчайший чай. Приподняв бровь, невозмутимо слушал Аню.

– Всё сказали? Я устал и хочу спать. Поэтому вкратце, – и пошёл негромко чеканить: – Я с первой секунды вижу, кричит человек от боли или играет в боль. Наша юная родильница в боль играла, как большинство рожаящих. Насмотрелись тупых фильмов. Вбили им в голову стереотип, запрограммировали: раз женщина рожает – непременно должна орать во всю глотку. Режиссёру – колоритный кадр, красную дорожку и Оскара – а акушерам после них расхлёбывай.

Ей, дуре, нужно помогать ребёнку и врачу. Так ведь не до этого: она ведь играет главную роль в мелодраме под названием «Мои роды!». Они потом

на мамочкиных форумах друг перед дружкой хвастаются: кто громче орал. А о ребёнке она думает? Каково ему задохнуться в родовых путях? Зрителей, блин, нашла. Увольте меня от бесплатного выслушивания воплей.

А также увольте от истерик младшего медицинского персонала. Вы ведь практикантка мединститута, кажется? Мой вам совет: идите... в фармацевты. Или в хоспис, что ли. Утешать, слёзы и сопли утирать – отличная из вас сестра милосердия получится.

Аню снова начало потряхивать:

– Вы-то сами испытывали такую боль?! Поставьте себя на её место!

– Не собираюсь ставить себя на место больного. А если соберусь – в тот же день распишусь в собственном непрофессионализме и подам заявление об уходе, – он глядел мимо Ани, потеряв к ней всякий интерес. Как будто она была пустое место. – ...С вашего позволения. Если удастся, сосну минуток двести, – он отклонялся, легко вскочил... Точно не было за плечами двух дневных плановых операций и экстренных родов.

– Тебя какая муха укусила? – полюбопытствовала Люда, ставя остывшую чашку. – Да мы на Олега Павловича тут молимся. Трясёмся, как бы в область не переманили. Да он диагност от Бога! Гений! С ним по скайпу консультируются! Из соседних регионов едут! Он, вот только взглянет на человека – так сразу и выдаёт диагноз. Местный доктор Хаус. Живой рентген, УЗИ и томограф, вместе взятые. А диагностическая аппаратура у нас, сама видела...

Потом они с Людой расстлали свои кушетки в сестринской. Та призналась:

– Я, как увидела Олега Павловича в первый раз, по уши втюрилась. Такой душка, ей Богу! У меня муж и дети, а я бы с ним переспала! – с хрустом, вкусно потянулась: – Охохонюшки, как бы я с ним переспала! Такоооой мужчина!

И, заметив вытаращенный Анин взгляд, засмеялась:

– Да шучу я. Спи давай, ребёнок! Ой, Анька, какой же ты ещё ребёнок!

– Люд, – в темноте прошептала Аня, —а ты... Когда рожала – тоже грамотно, по науке? Дышала там, тужилась?

– Со вторым точно умнее была. А с первым в последнюю схватку так взревела – муж в приёмном покое в обморок упал. С нашатырём откачивали. Олега Павловича на меня, дурочку, тогда не было.

И – вялым, сонным голосом:

– Вот ты говоришь: Олег Павлович с больными груб. А недавно с хутора привезли женщину. Уже в годах, с угрозой выкидыша. Ребёнок первый, желанный. И при этом с её стороны – полный тупизм и дремучая безграмотность! Неделю у неё не было стула! То есть вообще в туалет по большому не ходила.

И запустила, и нарастила, прости господи, шар величиной с... Даже не скажу, а то кушать не сможешь. Он уже в прямой кишке закаменел. Ужасная безответственность. Оправдывалась: скотина, сенокос, пасека: как раз пчёлы роятся... Некогда, мол, было обращать внимание на такую ерунду.

Что прикажете делать? Слабительное нельзя, клизму нельзя, микроклизмы не помогают. И Олег Павлович велел Свете (сестре из другой смены) отложить все дела. Сесть и выковыривать этот кусок метеорита из заднего прохода. Потихоньку, пальчиком – в перчатке, разумеется.

Света выколупала кое-как полкамня, несколько раз зажимала рот и убегала в уборную. Потом расплакалась. Расстегнула халат, бросила на пол. Сказала, что пускай её увольняют, но она больше этого делать не будет. И вообще, это не их больная, а гинекологическая. Пускай везут в район и там ведут в ней археологические раскопки...

– И что?!

– Ничего. Олег Павлович, благо был не занят, засучил рукава и доделал за неё работу. Никто Свету, конечно, не уволил. И даже дисциплинарное взыскание не наложили: он на утренней планёрке промолчал о том случае. Но самое обидное: та женщина как должное приняла. На то и врачи, чтобы в дерьме ковырялись и помалкивали. Хоть бы литровую баночку мёда... Куркули. Да и не больно надо, – она сладко зевнула. – Спи давай.

Спасибо, Людочка, удружила. Уснёшь теперь...

\*\*\*

Наутро – Аня уже сдала смену – привезли маленькую девочку прямо из детского садика. Возможно, одну из милых «горошинок», которых видела в автобусе Аня. Острый аппендицит. И что-то в операционной у старого хирурга с ассистентом пошло не так.

Санитарка сломя голову бежала за Олегом Павловичем. Он тоже собирался домой отдохнуть. Денди лондонский: в светлом элегантном костюме, в мягкой шляпе и с тросточкой (мягкую шляпу и тросточку Аня мстительно придумала в воображении). Но тотчас без слов отправился в душевую: намываться и облачаться в операционный костюм.

Аня шла сосновым бором в посёлок, где квартировала. В бору было полутемно, прохладно, чисто и уютно, как в горнице. Пахло хвоей и грибами. Под ногами ковром пружинил зелёный замшевый мох.

В детстве, гуляя в таком же бору, Аня придумала стишок и подарила маме на день рождения. И сейчас шла и бормотала полузабытое:

Много цветов на свете:

Кремовых роз и чёрных,

Тонких росистых тюльпанов

И эдельвейсов горных.

Хрупких не счесть нарциссов,

Как и лучистых лилий,

Много фиалок пышных

И хризантем изобилие.

Но почему, почему же

Только лесной подснежник

Тих и прозрачен, и нежен

В талых сугробах вешних?..

С грустным стеклянным звоном

С милой ушел поляны.

И для любимой самой

Утром несу его – маме...

...Вдруг поймала себя на мысли, что совершенно спокойна за девочку-горошинку. Потому что сейчас рядом с ней был этот противный хирург, этот гадкий, необыкновенный Олег Павлович.

\*\*\*

В тихий час в санитарскую заглянула Люда с таинственным, девчоночьим лицом:

– Эй, практика! В девятой женщина умирает! Хочешь посмотреть? Пригодится!

Все знали, что девятая палата – и не палата вовсе, а огорожённый простынёй конец коридора на две койки. За глаза её звали «мертвецкая». На одной койке жила ничейная старушка, а на другую клали умирающих.

На цыпочках, как преступницы, прокрались в «мертвецкую». Ничейной старушки не было, а на другой вытянулась женщина – плоско, будто тела не было вовсе. С белой наволочкой пронзительно контрастировало ярко-жёлтое застывшее лицо. Жёлтый цвет – жизнеутверждающий, тёплый, весёлый и самый любимый

Аней. Только не в этом случае. Желтизна налилась тяжёлой, трупной с зеленью, бронзой.

– Гепатит С, – прошептала Люда. – Маска Гиппократ.

Женщина смотрела в потолок глазами-пуговицами. Через равные промежутки времени стонала на одной ноте. Будто баюкала сама себя, но жуткое было это баюканье. Лицо у неё было гладкое и молодое. Но Люда сказала, что ей 46 лет, у неё пятеро детей. А кожу омолодила, туго натянула на скулы, sprыснула бронзовой краской болезнь.

Вошла старшая медсестра. Хмурясь, пощупала у женщины пульс. Поправила капельницу.

– Это чтобы она быстрее уснула? Чтобы не мучилась? – прошелестела Аня из угла.

Старшая уничтожающе взглянула на глупую Аню:

– Она и так уже ничего не чувствует. Мы просто поддерживаем сердечную деятельность.

– Зачем?!!

– Затем, что не знаю как нынче у вас, молодых, – неодобрительный кивок в сторону ординаторской. – А мы давали клятву до последнего дыхания бороться за жизнь пациента! И (язвительно) у нас что, уже все дела переделаны? Развлечение себе устроили. Бесплатный цирк.

Последние слова прозвучали точь-в-точь как те, что Люда кричала в адрес «жеребцов» из мужской палаты. Они переглянулись, прыснули и, толкаясь и путаясь в складках ширмы-простыни, рванули на свет. Легкомысленная Жизнь, шлёпая тапочками (Аня) и стуча каблучками босоножек (Люда), бежала прочь. А Смерть, вытянувшись на коечке в струнку, домовито обирала руками кончик простыни, с величайшим напряжением и терпением смотрела в потолок. Она была – труд, самый тяжкий и важный из всех трудов.

«Бегите, бегите, дурочки. Никуда не денетесь... Далеко не убежите».

\*\*\*

По дороге едва не сшибли у окна ничейную старушку. Аня давно заметила: та вместе со стулом, как подсолнушек, как часовая стрелка, перемещалась в течение дня вслед за солнцем. Из приёмного покоя, выходящего окнами на восток – на южную веранду. С веранды – в столовую, освещаемую красными закатными лучами.

Ане, угорело бегающей туда-сюда, старушка мешала. Она вежливо говорила: «Вера Сергеевна, вас тут не заденут?» или: «Вера Сергеевна, вас тут не просквозит?»

Старушка отрывала от книги голову, стриженную как у мальчика. Короткие мягкие волосики отливали то голубым, то розовым оттенком. Похожа была на состарившуюся Мальвину после тифа. Вскидывала добрые блёклые глазки. С наслаждением жмурилась в золотом, ослепительно бьющем из окна снопе света.

– Голубчик, вам пока этого не понять. Так не хочется, чтобы пропал хотя бы один солнечный лучик. Я за солнцем охочусь. Караулю его.

Иногда они с Людой, распаренные от беготни, садились рядом со старушкой, скидывали обувь, вытягивая усталые ноги. Люда громко жаловалась и кляла свою работу. Голубая, розовая старушка скрюченным дрожащим пальцем, с просвечивающей косточкой, закладывала страницу:

– Ах, деточки! Когда-нибудь вы будете вспоминать это время как самое лучезарное в своей жизни. Передвигаться на молодых сильных, быстрых ногах... Какое это счастье!

– Ага... Счастье пахать за восемь тыщ, – ворчала под нос Люда.

Когда Аня впервые увидела Веру Сергеевну – подумала: та беременна. Громадный живот свисал и едва не касался пола. Она еле ходила, откинувшись для равновесия, придерживая живот рукой.

– Запущенная киста, – объяснила Люда. – Наша бабуля отказалась от операции, а сейчас уж поздно. Ей девяносто семь. В этом возрасте старики уже не День Рождения, а День Растения отмечают. А наша бабуля держится молодцом. Ум ясный, как у молоденькой. Без очков читает! А выправка какая! Дворянская, аристократическая! Ты видела, как она ест?

Аня за обедом присмотрелась. Все в столовой утыкались носами в тарелки, низко кланяясь при каждом хлебке, по-гусиному ныряя шеями. Вера Сергеевна сидела прямо. Она не роняла своё достоинство, тянясь к ложке. Ложка бесшумно зачерпывала суп и, не теряя ни капли, высоко, величественно подымалась к её рту. Ни на миллиметр маленькая стриженная голова не соизволила опуститься, поклониться тарелке. Бесшумно глотала.

Это было так красиво и необычно на фоне тычущихся в тарелки голов, хлюпающих, вытянутых трубочкой, с шумом втягивающих жидкость губ... Аня не заметила, как стала подражать Вере Сергеевне. И теперь даже пустой больничный перловый суп ела как королева.

– А уж следит за собой! – шумно восторгалась Люда. – Это с такой болезнью, да и возраст...

Люда выдавала ей: то пакетик с синькой, то щепотку марганцовки. Ими Вера Сергеевна споласкивала свой седой ёжик – вот откуда был легчайший голубой или розовый оттенок.

Всегда в опрятном халате в кружевцах, больше похожем на пеньюар. На цыплячьей шейке повязан лоскуток чего-то ветхого и воздушного, скрывающий морщины. И никогда от неё не пахло старушечьим, затхлым.

Секрет чистоплотности раскрывался просто. Дождавшись, когда в палатах погасят свет, каждую ночь старушка тихонько шаркала в женский санузел. Над животом несла красный пластмассовый тазик, в нём – полотенчко и стопку чистого белья.

Ванной давно не пользовались по назначению. По Людиному пышному выражению, она стояла для «блезиру». Эмаль давно пожелтела, покрылась трещинами и ржавыми потёками.

В ванне женщины подмывались, туда плевали, чистя зубы. Если уборная была занята, самые нетерпеливые тайно справляли в сток малую нужду. Курящие исподтишка стряхивали пепел и окурки, туда же выбрасывались тампоны, бумажки, мусор. Такая большая урна для нечистот.

Если санитарки не успевали, Вера Сергеевна сама вынимала мусор. Кряхтя, тщательно мыла ванну. Поддерживая живот, с трудом залезала внутрь по приставному деревянному ящику. Усаживалась в ванну, макала в тазик с горячей водой губку, выжимала на себя. Мочила чубчик, долго не спеша, с наслаждением обмывалась: каждую частичку старого тела, каждую дряблую складочку.

– Дорогие женщины! – объявила, краснея, Аня после утреннего обхода. – Пожалуйста, имейте совесть. Не мочитесь, не плюйте в ванну: там моется пожилая женщина. Вас каждую неделю отпускают домой в баню. А у человека дома нет. И, очень прошу, не подмывайтесь: для этого существуют специальные тазы.

Дорогие женщины задвигались на койках, зашушукались и захихикали, прячась друг за дружкой. Аня для них не была авторитетом. Тогда из-за её спины выступила Люда:

– Не дай Бог кого замечу! Будете иметь дело со мной. Ясно? – и для наглядности показал розовый, с крупное яблоко, кулак. Мигом сработало.

Аня уже знала, что Вера Сергеевна подарила свою городскую квартиру больнице. Взамен рассчитывала на коечку, на лекарства, на сестринский уход. На упокоение: не вечная же она, в самом деле.

Люда нехотя рассказала: сначала старушке действительно выделили койку в двухместном люксе для «заслуженных». Потом перевели в общую палату. Потом с «паханской» койки у окна выжили на проход, у дверей. А потом и вовсе, в больничной суеде – в палату интенсивной терапии. Если человеку после операции потребуется помощь – старушка всегда тихонько доплетётся до поста, кликнет дежурную сестру или доктора. Звонок вызова давно сломался, а у старушки всё равно бессонница.

Но Аня-то видела привычное и терпеливое страдание в сонно моргающих глазах разбуженной старушки. Посреди ночи в палате внезапно включали яркую голую электрическую лампочку, с грохотом ввозили каталку с больным, топоча, бегали туда-сюда до утра. Бесцеремонно просили старушку приглядеть за капельницей. А если тяжёлых больных оказывалось двое – Веру Сергеевну вообще отправляли в покойницу в конце коридора.

И ни упрёка, ни жалобы. «Гордая. Дворянка», – то ли с осуждением, то ли с одобрением объясняла Люда. Старушка, действительно, была из старорежимных, с какими-то фрейлинскими корнями. Её прапрабабка была чуть ли не декабристкой: потому и оказалась в здешних глухих местах.

\*\*\*

Когда выдавалась свободная минутка, Аня присаживалась рядом с Верой Сергеевной. В первые дни она надеялась, что будет улучать время, зубрить теорию. Принесла с собой ноутбук. Ноутбук был старенький, загружался медленно. Аня с досадой кулачком постукивала по клавиатуре: «Да шевелись же ты, тормоз!»

Вера Сергеевна отрывалась от книжки. Иронично смотрела на нетерпеливую Аню:

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: [https://tellnovel.com/nelidova\\_nadezhda/praktikantka](https://tellnovel.com/nelidova_nadezhda/praktikantka)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)